

Ориентируясь на журчание воды, они дошли до самого ручья у горного склона.

Ручей струился меж камней, чистый и прозрачный. Чуть выше по течению кто-то закрепил полный стебель бамбука, пустив по нему воду, которая теперь с веселым шумом изливалась наружу.

Чанся протянул ладони, поймал струю, бьющую из бамбукового желоба, и, зачерпнув пригоршню, низко наклонился, чтобы напиться.

Чэнь Чжи и Пэй Яо устроились рядом, тоже утоляя жажду.

Они ушли из дома довольно давно, и взятые с собой запасы воды уже иссякли. К счастью, солнце стояло высоко в небе, настоящие холода еще не наступили, так что от ледяной ключевой воды никто не задрожал.

Напившись, все трое присели на валуны, чтобы немного перевести дух.

Вскоре из лесной чащи выбрался Пэй Юва. За плечами он нес тяжелую корзину, доверху наполненную спелой алой дерезой. Подойдя к ручью, он первым делом тоже припал к воде.

Пэй Яо опустил на корточки у самой кромки и принялся мыть руки: все его пальцы и ногти были в зеленом травяном соку.

Он зачерпывал воду и усердно тер ладони, так что его длинные пальцы вскоре снова стали чистыми. Заприметив на мелководе юрких рыбешек и крошечных креветок, парень резко сжал пальцы, пытаясь сцапать добычу, но лишь зачерпнул пустоту.

Тогда он принялся переворачивать камни, погруженные в воду. Внезапно его рука метнулась вперед, и он ловко перехватил попытавшегося улизнуть крабика. Однако горный краб оказался совсем тощим и неказистым, так что Пэй Яо швырнул его обратно в ручей. Тот с громким всплеском канул в воду, подняв фонтан брызг.

Услышав этот всплеск, Чанся поднял голову. Он сидел совсем близко, на соседнем валуне, и сразу заметил, какими светлыми и сильными были широкие ладони названного брата, переворачивавшие камни. Даже косточки на его запястьях выглядели крупными и крепкими.

Пэй Яо не был хлипким малым, в его жилах чувствовалась недюжинная мощь.

Успевший отдохнуть Чэнь Чжи, завидев, как сын шарит в воде, подал голос:

— И чего ты добро переводишь? Срубил бы лучше колено бамбука да складывал туда всех этих крабов и улиток, что найдешь. Принесем домой, уткам скормим — знатное же лакомство!

Сети у них с собой не было, так что поймать шустрюю ручейную рыбешку или креветок было делом непростым, а вот собрать притаившихся под камнями пресноводных крабиков и речных улиток — куда легче.

Чэнь Чжи продолжил:

— До Праздника середины осени осталось всего полмесяца. Твоя тетка и двоюродная тетка непременно приедут с праздничными гостинцами. Вот как они явятся, мы и зарежем утку. Так что в эти дни надо кормить птицу сытнее, чтобы нагуляла жирок.

Жизнь в семье мало-помалу налаживалась, о женитьбе сына голова больше не болела, да и

денег на руках хватало, так что ради праздника одной-двух уток было не жаль.

Встретив как подобает золовку и тетку, он и сам отправится в родительский дом с поклоном и подарками. Туда тоже нужно будет прихватить откормленную упитанную утку — и перед людьми почетно, и престарелым отцу с матерью будет чем подкрепить силы.

Услышав про утиное лакомство, оживился не только Пэй Яо: Чанся тоже сполз к воде и принялся переворачивать прибрежные камни.

Стоило ему приподнять плоский валун на мелководе, как четыре или пять мелких крабиков в панике бросились врассыпную. Ползали они прытко, но человеческие руки оказались куда быстрее.

Вот только поймать-то он их поймал, да куда девать — не подумал.

Оставишь на берегу — разбегутся, бросишь в корзину — порежут клешнями нежные ягоды дерезы или попортят их сыростью, отчего целебный сбор потеряет и вид, и свойства.

— Папа! — растерянно позвал Чанся, пытаясь на ходу завернуть пять барахтающихся крабиков в широкий древесный лист.

Чэнь Чжи всё понял без лишних слов. Он сорвал росшие неподалеку длинные стебли травы, быстрым движением обобрал с них листья, подошел к Чанся и помог ему надежно упаковать добычу в зеленый сверток, обмотав его травинками в несколько оборотов.

Заметив выше по течению бамбуковые заросли, Пэй Юва поднялся, перехватив поудобнее нож-тесак, и произнес:

— Пойду-ка я срублю бамбук, а то и впрямь собирать некуда.

Чэнь Чжи отозвался:

— Ладно, ступай.

Пока они всё равно отдыхали у ручья, можно было набить улитками и крабами парочку бамбуковых тубусов, чтобы на обратном пути не тратить время на поиски.

К тому времени как Пэй Юва вернулся, неся пять выдолбленных и очищенных бамбуковых колен, на прибрежной траве уже красовалась приличная горка речных улиток.

Чэнь Чжи вместе с ребятами разулся, завернул повыше рукава и штанины и залез в воду.

Первым делом он принялся собирать у самого берега улиток и складывать их в бамбуковые тубусы.

Крупные улитки, уже успевшие выпустить мясистые ножки, медленно ползли по камням. Но стоило человеку ухватить их за раковину и потянуть вверх, как моллюски сжимались и мгновенно прятались в свои домики.

Пэй Юва окинул взглядом добычу в своих руках — улитки выдались на редкость крупными. Растолочь такие да скормить птице — утки только жирнее станут.

Собрав тех, что лежали у берега, он сорвал пучок травы и плотно заткнул им горлышко бамбукового тубуса, чтобы улитки не расползлись.

Затем он раздал по тубусу Чэнь Чжи и парням, чтобы те собирали моллюсков на ощупь, а после и сам зашагал по воде.

Получив бамбуковую емкость, Пэй Яо принялся охотиться исключительно за крабами.

Улиток еще можно было на время оставить на суше — никуда не денутся, а вот восьминогие крабы метались в панике со страшной скоростью и исчезали в мгновение ока, так что их нужно было прятать сразу.

Крабов и улиток в этом ручье водилось в достатке, так что вскоре три бамбуковых тубуса из пяти были забиты до отказа. Заметив, что солнце клонится к закату, а корзины под дерезу еще не полны, Чэнь Чжи скомандовал вылезать на берег: пора было возвращаться к сбору ягод.

Они плутали по горам до тех пор, пока не спала полуденная жара, и только тогда вчетвером спустились в деревню.

Доу Цзиньхуа уже приготовила обед, но, так и не дождавшись их возвращения и изнывая от голода, отложила часть еды себе и перекусила вместе с Пэй Цзаоанем.

Остальные яства томились в печи. Чэнь Чжи потрогал маньтоу — они всё еще оставались теплыми, — и сразу вынес их во двор.

Перекусив и утолив жажду прямо посреди двора, Пэй Яо первым делом вспомнил про уток. Подхватив пять бамбуковых тубусов, он направился на задний двор. Вооружившись увесистым голышом, он принялся с хрустом разбивать раковины улиток и панцири крабов, бросая месиво прямо в загон.

Утки с оглушительным криканьем и хлопаньем крыльев ринулись к корму, отталкивая друг друга, и в мгновение ока склевали всё дочи́ста.

Пэй Яо выпрямился, оценивающе разглядывая утиное стадо: «Вот эта хороша, упитанная, да и та весьма недурна».

Самую жирную утку папа, понятное дело, нарезать не позволит: хорошая несушка приносит по яйцу в день, а утиные яйца копят на продажу — это верный и постоянный доход для дома.

Значит, за оставшиеся полмесяца нужно постараться получше откормить тех птиц, что помельче, чтобы, когда придет черед пустить их под нож, никому не было жаль хорошего мяса.

*

Крестьянские будни катились своей чередой, полные забот.

Перед Праздником середины осени на сухих полях пожелтели и высохли стебли бобов. Бобы налились, стали круглыми и крупными, так что теперь в каждой усадьбе деревни Ваньэр хозяева дружно выдерживали ботву.

Но не только бобы поспели к сроку: коробочки хлопчатника тоже полопались, явив миру белоснежные, мягкие комья хлопка-сырца.

В их деревне многие сажали хлопок. Те, кто жил побогаче, выделяли под него му-другой засушливой земли — собственный хлопок после обработки шел на пошив одеял, матрасов да пряжу нитей, что было донельзя выгодно. Семьи победнее просто сдавали сырец

перекупщикам, получая за это неплохую монету.

В эти дни на дорогах, ведущих к полям, то и дело можно было наткнуться на оброненный бобовый стебель или клочок пушистого хлопка, выпавший из неплотно набитого воза.

Пожилые супруги держали путь к дальнему надельчику, что жался к самому подножию гор.

Доу Цзиньхуа несла за плечами пустую корзину, на ходу внимательно всматриваясь в землю под ногами.

Когда она таскала хлопок домой, то редко наклонялась за случайными клочками у дороги: не ровен час, согнет старую спину, а из её собственной корзины вывалится куда больше — чистый убыток.

На бобовом поле сейчас трудились сын и внук — они переправляли высушенные стебли на двух ослиных телегах, так что таскать тяжести вручную нужды не было. Сами же Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань спозаранку пропадали на хлопковом поле, вооружившись мешками.

Они осторожно вытягивали белоснежные комья прямо из раскрывшихся сухих коробочек.

Погода в эти дни стояла на диво погожая, солнце припекало вовсю, отчего хлопковый пух делался белым-белым и пышным. Выбирать волокно прямо в поле было делом небыстрым, зато дома не нужно было тратить время на очистку, да и сам сырец оставался чистым и сухим.

В этом году свежий хлопок продавать не собирались: Чэнь Чжи твердо решил пустить его на свадебное одеяло и два новых матраса для Пэй Яо и Чанся. За долгие зимние дни они как раз успеют всё соткать да сшить, аккуратно к свадьбе.

Услышав этот наказ, Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоань воспряли духом, так что работа в их руках спорилась как никогда.

*

Хлопка, собранного с одного му, вышло не то чтобы слишком много, но и мало не показалось — когда его разложили для просушки во дворе, он занял добрую половину места.

Если в пушистые комья попадут сухие листья или сор, вычистить их будет делом почти невозможным. Поэтому циновки с хлопком расположили как можно дальше от места, где сушилась бобовая ботва, а собакам и вовсе строго-настрого запретили приближаться к белым кучам.

Старый пес еще с прошлых лет усвоил это правило — в свое время он знатно схлопотал палкой, так что ума ему было не занимать, и приказ он помнил крепко.

А вот белому псу Пэй Цзаоань для острастки пару раз перетянул тонким бамбуковым прутком по задку. Тот бросился наутек и больше к хлопку подойти не смел.

Бобовые стебли лежали на земле толстым слоем. Их то и дело переворачивали, дожидаясь, пока солнце за два дня высушит их до звона — тогда наступит пора браться за цепи для молотбы.

Покончив с обедом, Чанся устроился во дворе, принимаясь очищать коробочки хлопка.

Тех, что они принесли вместе с сухой кожурой, было немного, так что он легко справлялся в

одиночку.

Внутри каждого хлопкового комка прятались мелкие семена. Хлопок нужно было сперва просушить, хорошенько взбить палками, а затем вручную выбрать все семечки — работы впереди оставалось еще непочатый край.

На дальнем поле хлопок убрали еще не весь, но поскольку солнце пекло вовсю, торопиться с жатвой не приходилось: под теплыми лучами хлопковые коробочки раскрывались сами собой, естественным путем.

Весь двор был заставлен и завешан плодами их трудов.

Год выдался на редкость благодатным: урожай на засушливых землях превзошел все ожидания, да и колос риса на заливных чеках наливался тяжелым и спелым. Оттого и лица большинства жителей деревни Ваньэр светились искренней радостью.

Возле стены стоял деревянный стеллаж в три яруса, на котором покоились три больших бамбуковых подноса. Там сушились корни татарника и марены.

Пэй Яо крутился у стеллажа, бережно переворачивая лекарственные корни, чтобы они просыхали равномерно.

Закончив, он взобрался по приставной лестнице на крышу, чтобы перевернуть сушившиеся там на таких же подносах ягоды дерезы и полоски бамбуковых побегов.

Прямо у дома росло высокое дерево хурмы, чья пышная крона уже переросла конёк крыши.

Листва с него еще не опала — ветви пестрели желтыми, зелеными и багряными мазками, в которых летняя сочность причудливо переплеталась с первыми штрихами осени.

Плоды хурмы уже налились желтизной, а те, что росли на самых кончиках ветвей и получали больше всего солнечного тепла, и вовсе окрасились в густой багрянец. Под лучами солнца эти спелые ягоды казались прозрачными, налитыми сладким соком — сразу видно, поспели.

Вот только висели эти ягоды слишком высоко. Если пробираться к ним по черепичной крыше, нужно было глядеть в оба: не ровен час, поскользнешься, сорвешься вниз — и костей не соберешь.

Позапрошлым летом один десятилетний сорванец из их деревни, позарившись на спелую хурму, полез на крышу и попытался подтянуть к себе ветку. В итоге парень сорвался, знатно ободрав себе лицо и локти. Долго потом ревел от боли на всю округу, а домашние только предкам молились, что руки-ноги остались целы.

До тех плодов, что висели на самой верхушке, человеку было не добраться, так что их обычно склевывали птицы.

Чанся, увлеченно перебиравший хлопок, вдруг услышал, как Пэй Яо окликает его сверху.

Спустившись по лестнице, Пэй Яо с улыбкой спросил:

— Хурмы хочешь попробовать?

Дерево хурмы за порогом, понятное дело, было их собственным. Сажали его давно, дереву пошел уже двенадцатый год.

В свое время Пэй Цзаоань без лишних затей ткнул два саженца прямо за оградой, и когда они затеяли строить новый дом, деревья не помешали фундаменту, так что выкорчевывать их не пришлось.

Чанся и сам в последние дни заприметил несколько покрасневших плодов на верхушке, да только висели они так высоко, что даже длинным бамбуковым шестом было не дотянуться.

Пэй Яо засучил рукава, обнажив крепкие, сильные предплечья. В глазах его загорелся задорный огонек:

— Тащи скорее чашу, а я попробую их сбить.

Чанся поспешил обобрать последние хлопковые коробочки, зачерпнул из деревянного таза пригоршню воды, наскоро сполоснул ладони и метнулся на кухню за большой глиняной миской.

Когда он вернулся, Пэй Яо уже стоял под деревом хурмы.

Белый пес, не понимая, какую забаву придумали хозяева, с виляющим хвостом увязался за ними. Заметив, что люди задрали головы к небу, он тоже уселся рядом и уставился вверх.

Дерево разрослось на славу, его мощные ветви были толстыми и крепкими, а листва — густой.

Пэй Яо отступил на несколько шагов назад, высматривая добычу, затем сместился чуть в сторону. Отыскав удобное место, откуда спелая хурма была видна как на ладони, он твердо встал на землю и вскинул рогатку, целясь в ветку.

“Пах!” — звонко щелкнула кожаная кожанка.

Чанся, затаив дыхание, замер под кроной. Заметив, как сквозь густую листву летит сорванный плод, он заметался из стороны в сторону, пытаясь поймать его миской.

И — о чудо! — Пэй Яо не зря велел ему встать именно здесь. Хурма с глухим стуком шлепнулась точнехонько на дно миски, не коснувшись земли.

Плод был совсем красный и мягкий, но от удара не лопнул — круглый, налитый багрянцем, он одним своим видом обещал медовую сладость.

— Там еще две осталось, — подал голос Пэй Яо.

Прикинув на глаз, где висят остальные плоды, он махнул рукой Чанся, веля тому сдвинуться чуть левее.

Вот только в этот раз Чанся самую малость не успел: хурма со шлепком упала на землю, нежная кожица лопнула, и из нее брызнул густой красный сок.

Юноша лишь разочарованно вздохнул. Но не успел он наклониться, как белый пес уже подскочил к лакомству, ткнулся носом и принялся с удовольствием слизывать сладкую мякоть.

Раз уж собака приложилась, человеку есть не пристало. Чанся отставил миску в сторону и тоже засучил рукава:

— Давай лучше руками ловить буду.

С миской в руках, как ни крути, ловкости не хватало.

Пэй Яо снова прицелился и спустил тетиву, сбивая третью хурму.

Чанся ловко переступил с ноги на ногу, не сводя глаз с падающего плода, и в самый последний миг поймал его прямо в ладони. От удачной охоты на его лице сама собой расцвела робкая улыбка.

Заметив, как тот обрадовался, Пэй Яо спрятал рогатку за пазуху. Его брови весело взлетели вверх, а в уголках губ заиграла едва заметная, теплая усмешка.

Укладывая пойманный плод в миску, Чанся тихо спросил:

— А ты сам есть не будешь?

Пэй Яо отозвался:

— Не хочу, ты ешь.

— Тогда я пойду бабушке предложу, — с этими словами Чанся подхватил миску и направился к дому.

Пэй Яо шагал рядом с ним, и походка его была легкой и беззаботной.

В прошлый раз он сболтнул лишнего и знатно раздосадовал Чанся. Парень тогда всю голову сломал, думая, как подступиться к названному брату и загладить вину, но на следующее утро Чанся как ни в чем не бывало сам сменил гнев на милость.

В последние дни забот в хозяйстве было невпроворот, а Чанся за работой всегда становился молчаливым и угрюмым, так что Пэй Яо давно не видел его таким оживленным и радостным, как в эти минуты.

<http://bllate.org/book/17875/1731509>